

«УТВЕРЖДАЮ»

Первый проректор ИМПЭ
Института международного

права и экономики

имени А.С. Грибоедова

доцент Н.В. Автионова

«9» марта 2021 г.

ОТЗЫВ

**ведущей организации о диссертации Меркушова Станислава
Федоровича «Репрезентация абсурда в русской литературе
конца XX – начала XXI в.»,
представленной на соискание ученой степени доктора
филологических наук по специальностям 10.01.01 – русская литература
и 10.01.08 – Теория литературы. Текстология**

Актуальность предпринятого исследования связывается с исключительно высокой значимостью категории абсурда в современной культурной парадигме. Объект исследования масштабен и широк – проза, поэзия, драматургия конца XX начала XXI вв.; в орбиту исследования включаются не только художественные тексты, но и теоретические рефлексии писателей и поэтов.

Масштабность объекта и предмета соответствует структуре исследовательской оптики: абсурд рассматривается как категория текстуальная (абсурд как стилистический прием и текстопорождающий механизм), философская (абсурд в экзистенциальном аспекте), когнитивная

(абсурдизм как специфический тип мышления) и теоретико-литературная (абсурд в аспекте его литературоведческого осмысления).

Предпринимая попытку сформировать синтетическое представление об абсурде, автор идет по пути целостного анализа феномена. Его методология как бы «отталкивается» от сложности самого объекта, не редуцирует эту сложность, но позволяет рассмотреть ее в разных методологических плоскостях. Так, анализируя абсурд исключительно как текстуальную категорию, мы сможем только лишь зафиксировать и описать формы его репрезентации в конкретных текстах, но при этом функциональная значимость выявленных приемов и их мировоззренческая подоплека окажутся за пределами исследования. С.Ф. Меркушов же пытается построить *объяснительную* модель, которая не просто статично описывает феномен абсурда, но дает возможность выявить сам механизм ее формирования.

Отсюда и полигенетичность исследовательского аппарата, заявленная в диссертации. Избранные диссертантом подходы «базируются прежде всего на сочетании методов истории и теории литературы, а также учёте методов смежных научных областей, т.е. в частности, философии, дискурс-анализе, психологии, рецептивной эстетики, культурологии и лингвистики» (с. 16). Несмотря на некоторую «методологическую радикальность» исследования, мы все же полагаем, что методологическая платформа работы обеспечивает достоверность ее основных выводов.

В первой главе работы предпринят экскурс в историю и теорию абсурда. Трактую абсурд как *феномен* и как *понятие*, С.Ф. Меркушов рассматривает разнообразные трактовки абсурдизма в западной и отечественной науке. В поле зрения исследователя – работы последних двадцати лет, но даже при таком ограничении количество прокомментированных источников огромно. В некоторых случаях такое внимание к отдельным работам и их скрупулезный анализ приводит к тому, что теряется концептуальный абрис диссертации, возникает ощущение, что глава представляет собой огромный список аннотаций, в котором, на наш взгляд, не хватает артикуляции собственной

концепции. Блестяще выявляя особенности отдельных работ, исследователь тем не менее не сводит эти работы к единым концептуальным основаниям, хотя при таком обилии литературы эта задача является первостепенной.

Композиция работы логична и соответствует ее задачам. Привлечение столь обширного художественного материала поставило перед автором сложную проблему выстраивания архитектоники глав. Нам кажется, что С.Ф. Меркушов выбрал наиболее удачный вариант решения этой проблемы. Каждая глава построена по принципу «портрета на фоне»: в центре главы находятся ключевые, максимально репрезентативные фигуры, в качестве фона привлекаются иные авторы, которые также имеют отношение к исследуемой проблематике. Такая композиция позволяет увидеть «текст в контексте» и выявить важные закономерности развития литературы абсурда.

Во второй главе диссертации осуществляется анализ манифестаций абсурда в отечественной прозе. Материал в главе расположен по концептуально-хронологическому принципу: автор доказывает, что каждый этап развития отечественной литературы абсурда соотнесен с определенной смысловой матрицей. За точку отсчета приняты 80-е гг. XX столетия, прозе этого периода посвящен первый параграф главы, где отчетливо видно, как работает ключевое теоретическое допущение исследования о соотнесении поэтики абсурда с кризисными переломными периодами в истории.

Ядром параграфа стали произведения В.Г. Сорокина и Е.А. Попова, соотнесенные с поэтикой соц-арта. Подробно анализируя тексты в историко-культурной и мировоззренческой перспективе, С.Ф. Меркушов приходит к убедительному выводу о том, что данный тип абсурда по своим смысловым и эстетическим характеристикам ориентирован на экзистенциальную «деструктивность». Важно отметить, что анализ прозы Сорокина ведется в соответствии с теоретическими установками, заданными в первой главе. Так, тексты Сорокина рассматриваются в *метапоэтической* проекции: исследователь учитывает не только внутреннюю конструкцию художественного произведения (которую, как доказывает диссертант,

Сорокин выстраивает почти что математически), но и высказывания автора о своих произведениях.

Смена культурно-исторической парадигмы в 1990-е гг. инициировала, по справедливому мнению С.Ф. Меркушова, появление абсурда нового типа, связанного с «постмодернистской чувствительностью» и ощущением нестабильности бытия. Этот этап развития литературы абсурда исследуется во втором параграфе главы. Пограничность эпохи, оказываясь детерминантой художественной литературы, приводит к формированию «деструктивно-созидательного» типа абсурда. Созидательный элемент, по мысли автора, не в последнюю очередь связывается с восприятием литературных традиций: здесь они не отрицаются, но ассимилируются, при этом «площадкой» такой ассимиляции, платформой, где существуют разные культурные коды, – оказывается абсурдизм. Показательным в этом смысле является блестящий анализ творчества Ю.И. Ковалю, где, как демонстрирует С.Ф. Меркушов, задействованы самые разнообразные традиции, от плутовского романа до творчества Введенского.

Следующий этап развития литературы абсурда маркирован радикальной сменой ценностных «вех». В третьем параграфе работы диссертант показывает, что новое измерение абсурда связывается с новыми жанровыми координатами (тяготение к утопии/антиутопии), семантическими установками (ситуация постапокалипсиса) и экзистенциальными смыслами (переход от деструкции к созиданию). Отдельного внимания заслуживает убедительный анализ текстов в интертекстуальной перспективе, предпринятый в главе. Исследование прозы Елизарова в гоголевской проекции и в контексте «литературы ужасов» позволяет проследить историко-литературную традицию и выявить силовые линии развития литературы абсурда – что, несомненно, соответствует самому духу диссертации.

В заключительном параграфе главы выявлены трансформации абсурдистской прозы в 2010-е гг. Устанавливая органическую связь этого этапа с предыдущим, С.Ф. Меркушов доказывает, что топосом

соответствующих текстов является «онтологическая, гносеологическая и эсхатологическая проблематика, связанная с поиском общих духовных и ценностных экзистенциальных ориентиров» (с. 194). Новая проблематика соотносится с установкой на поиск первоосновы, выраженной как хронотопически через создание новой реальности (как у В.Г. Сорокина), так и через интеграцию традиции абсурдистской парадигмы (как у В. Климова).

Третья глава работы посвящена поэзии, анализируемой «в контексте абсурда». Поэтический «абсурд-дискурс» представлен в поэзии Ю.П. Кузнецова, Б.Б. Рыжего, Ю.В. Мамлеева и в творчестве рок-поэтов. Необходимо заметить, что диапазон абсурда в поэзии указанных авторов исключительно широк. От проекций на средневековую карнавальную культуру у Ю.П. Кузнецова – до западного экзистенциализма у Б. Рыжего. В последнем случае нам хотелось бы отметить, что, несмотря на детальный анализ экзистенциальных (или же экзистенциалистских?) координат творчества Б. Рыжего, вряд ли стоит говорить о его тяготении к экзистенциальному абсурду (если понимать последний как исторически фиксированный феномен). Комплекс подобных мотивов можно найти практически у любого поэта (от Пушкина до Маяковского), что, впрочем, не дает нам возможности относить их творчество к экзистенциально-абсурдной линии.

В последней главе работы исследуются формально-содержательные паттерны абсурда в отечественной драматургии. Последовательно рассматривается творчество Н.В. Коляды, О. Мухиной, М.И. Волохова, Д.А. Данилова и А.П. Шипенко. Вычленяются типы абсурда, инспирированные авторскими философско-эстетическими установками. Эта взаимозависимость прекрасно выявлена диссертантом в ранней драматургии Коляды. С.Ф. Меркушов доказывает, что драмы Коляды могут быть прочитаны сквозь призму концепции Другого, что провоцирует появление в его творчестве диалогичности, которая понимается не просто как коммуникативная установка, но как особый прием, детерминирующий разные уровни текста.

Подробно анализируя комплекс субъектности, генетически соотнесённый с диалогичностью, диссертант совершенно справедливо увязывает мотив двойничества не с сентиментально-романтической парадигмой, а с театром абсурда. Эта убедительная мысль последовательно и методически корректно доказывается. На методике доказательства мы бы хотели остановиться. Связь мотива двойничества у Коляды с соответствующим мотивным рядом в театре абсурда подтверждается комплексным соотнесением. Говоря иначе, указанные пересечения мотивируются не совпадением отдельных частных мотивов, но целым комплексом системно связанных друг с другом единиц. Так, мотив двойничества в обоих случаях осложняется мотивом коммуникативного разрыва, глухотой, вербальной агрессией и т.д. Совпадение семантических «кластеров» полностью подтверждает идею С.Ф. Меркушова о генезисе мотива двойничества.

Однако такая методика анализа, предполагающая типологическое соположение не отдельных элементов, но целых систем, к сожалению, в работе применяется далеко не всегда. В связи с этим по ходу чтения работы у нас возникли некоторые замечания.

Аналитическое комментирование огромного количества источников в первой главе все же не дало ответ на основной вопрос: как именно понимает абсурд автор диссертации? Абсурдизм – это некий абстрактно-логический тип в веберовском смысле или же все-таки культурно-исторический феномен, ограниченный хронотопом? Весь ход диссертации показывает, что абсурд трактуется в типологической перспективе.

Построение типологической классификации требует строжайшего системного подхода: должен быть выстроен определённый концептуальный тип, понимаемый как система взаимосвязанных и взаимозависимых формально-содержательных признаков, с разной степенью полноты воплощающийся в материале. Декларацию такого рода типологического анализа мы увидели во Введении и первой главе, тем не менее, как кажется,

на практике автору не удалось воплотить эту установку окончательно. Абсурд трактуется в работе «апофатически», как нарушение любой «бытовой логики» – однако же какие художественные тексты эту логику *не* нарушают? Более того, нарушения логики, сбой рациональности – это неотъемлемая часть человеческой культуры в целом, закреплять за этими сбоями понятие абсурдизма, имеющего чёткую культурно-историческую привязку, значило бы предельно широко понимать этот термин.

В результате такой теоретической неопределённости в категорию абсурдного включаются гетерогенные и принципиально разнородные явления, которые оказываются сходными лишь поверхностно. Так, например в авангарде второй волны слом стереотипов соотнесен с прорывом к «иносфере», в постмодернизме же разрушение стереотипов – это пастиш, центон, без всякого аксиологического задания. Поверхностное сходство сопровождается абсолютно разную функциональную нагруженность. Нужно ли объединять эти семантически разноприродные феномены – под одной «этикеткой»? Таких соположений в диссертации много, они косвенно указывают на то, что классификации абсурда в работе построены не по инвариантно-логическому принципу, а по принципу фамильного сходства: единое структурно-типологическое ядро во всех выявляемых модификациях абсурда отсутствует, в результате чего затруднительно найти общее между разными вариантами абсурдистского дискурса. Где, например, *tertium comparationis* между карнавальной культурой и экзистенциализмом? Если считать, что «третьим членом сравнения» является сбой логики и столкновение разных модусов бытия – не расширяется ли слишком сфера абсурдного?

Все высказанные нами замечания носят характер вопросов, которые закономерно возникают при чтении столь масштабной и неординарной работы.

Подведем итоги. Автору удалось решить проблему, имеющую серьёзную теоретическую значимость: описать репрезентацию форм абсурда

в отечественной литературе и разработать модель абсурда как эстетического феномена. Высокая теоретическая и практическая ценность данного исследования несомненна: оно открывает дорогу инновационным способам литературоведческого анализа ряда явлений как русской, так и зарубежной литературы. Достоверность результатов исследования обеспечивается продуманной методологической базой, позволившей получить принципиально новые выводы. Автореферат и опубликованные работы отражают основное содержание диссертации. Исследование соответствует паспорту специальности 10.01.01 – русская литература и паспорту специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

Таким образом, диссертация **«Репрезентация абсурда в русской литературе конца XX – начала XXI в.»** соответствует требованиям, изложенным в пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, в текущей редакции), а ее автор, **Станислав Федорович Меркушов** заслуживает присуждения **искомой ученой степени доктора филологических наук** по специальностям 10.01.01 – русская литература и 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

Настоящий отзыв составлен доктором филологических наук (10.01.01), доцентом, профессором кафедры истории журналистики и литературы Темиршиной Олесей Равильевной. Отзыв обсужден и утвержден на заседании *кафедры истории журналистики и литературы* ОЧУ ВО «Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова» 9 марта 2021 года (протокол № 7).

Зав. кафедрой журналистики и литературы
ИМПЭ им. А.С.Грибоедова
доктор филологических наук
профессор

Любовь Геннадьевна Кихней

Подпись проф. Л.Г. Кихней подтверждает
Декан факультета журналистики
проф. Шуйская Ю.В.

111024, Москва,
шоссе Энтузиастов, д.21.
E-mail: cra@adm.iile.ru
Раб. тел.: 8-495-673-74-19